

И.П. Сахаров

Исследования о русском иконописании

Книга вторая

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И.П. Сахаров**
Исследования о русском иконописании: Книга вторая / И.П. Сахаров – М.: Книга по Требованию, 2014. – 103 с.

ISBN 978-5-4241-3802-7

Исследования о русском иконописании

ISBN 978-5-4241-3802-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Давно ли было то время, когда думали, что Русское иконописание есть удѣлъ смиренныхъ любителей нашихъ древностей? Давно ли начали появляться въ печати изслѣдованія нашихъ писателей объ иконописаніи? Изъ чего возникли драгоценныя собранія частныхъ людей, невѣдомыя нашимъ отцамъ? Кто воспиталъ такъ умно, такъ мудро нашихъ знатоковъ иконописанія, о которыхъ доселѣ не знаетъ Русская печатная литература? Все то было на святой Руси давнымъ давно, все то знали наши отцы и дѣды; только мы начали забывать свою заветную старину въ послѣднія полтораста лѣтъ. Нашему счастливому времени, извѣдавшему пустоту запада, предоставлена завидная участь: возстановить древнее православное иконописание, возвести это великое художество на степень классическаго образованія и изучить его осмивѣковую исторію. Возрожденіе Византійскихъ художествъ возможно только нашему времени. Русскому народу искони суждено было усвоить всѣ эти искусства для украшенія своихъ вѣковѣчныхъ храмовъ.

Не многіе изъ Русскихъ писателей обращали вниманіе на Русское иконописание. Въ числѣ этихъ избранниковъ мы считаемъ только четырехъ: преосвященнаго *Анатолія*, *И. М. Снегирева*, *С. П. Шевырева*, *Н. Иванчина-Писарева*. Каждый изъ нихъ постигалъ тайну изученія древняго иконописанія съ своей точки зрѣнія. Потомство скажетъ имъ Русское спасибо!

Знатоковъ и любителей иконописанія у насъ такъ много, что ихъ едва ли не встрѣтимъ во всякомъ Русскомъ городѣ. Мнѣніями этихъ людей мы должны дорожить, какъ опытными сужденіями многихъ вѣковъ, какъ основанными на подлинникахъ нашихъ древностей. У насъ, на Руси, есть такіе знатоки иконописанія, что могутъ взойти въ состязаніе съ первымъ Европейскимъ ученымъ о Византійскомъ иконописаніи. Они, съ перваго взгляда, опишутъ вамъ достоинство письма, его пошибъ и всѣ признаки древности. Повѣряйте ихъ слова изученіемъ и наблюденіями, и вы увидите истину. Говорю это по опыту, безъ всякаго преувеличенія. Къ сожалѣнію, всѣ ихъ знанія умираютъ вмѣстѣ съ ними; они не ведутъ своихъ записокъ; по поученія ихъ вы услышите въ кабинетѣ собирателей. Москва есть

средоточіе любителей древностей и знатоковъ иконописанія. Въ Москвѣ только можно изучитъ наше иконописаніе со всею основательностію.

Иконописаніе Русскій народъ раздѣляетъ на разныя школы. Таковы: 1. *Византійская*, 2. *Кіевская*, 3. *Новгородская*, 4. *Московская*, 5. *Устюжская*, 6. *Строгоновская*, 7. *Фряжская* и 8. *Суздальская*.

Такое раздѣленіе иконописанія по школамъ я заимствовалъ изъ устъ Русскаго народа, изъ сужденій опытныхъ знатоковъ и любителей нашихъ древностей. Но, вѣрно ли это раздѣленіе? Соотвѣтствуетъ ли оно своему значенію? Основано ли оно на историческихъ и археологическихъ данныхъ?— Это другое дѣло; это должна рѣшить историческая критика. Я принялъ господствующее мнѣніе нашего народа за неимѣніемъ другаго, какъ болѣе вѣроятное. Въ Россіи иконописаніе не дошло еще путемъ историческихъ изслѣдованій до точныхъ, классическихъ опредѣленій. Я бы могъ усвоить себѣ готовыя мнѣнія нашихъ писателей. Напримѣръ: мнѣніе И. М. Снегирева, который раздѣлялъ искусство иконописанія: на *Византійское*, *Корсунское*, *Новгородское*, *Московское*, *Фряжское*, *Строгоновское* ⁽¹⁾. Съ принятіемъ этого мнѣнія, я тогда бы выпускалъ *Кіевское*, гдѣ впервые образовалось Русское иконописаніе, гдѣ началась первая наша школа; я упустилъ бы письмо Устюжское, изъ котораго въ XVI вѣкѣ возникло Строгоновское; я допустилъ бы школу Корсунскую, никогда не существовавшую на самомъ дѣлѣ. Или взять за основаніе мнѣніе покойнаго Иванчина-Писарева, которой допускалъ только три школы: *Византико-Русскую*, *Суздальскую* и *Новгородскую* ⁽²⁾. Но, это мнѣніе такъ тѣсно, что оно не обнимаетъ всего значенія нашего иконописанія. Это мнѣніе существуетъ только въ одной идѣ, безъ всякаго развитія, безъ подтвержденія съ сохранившимися памятниками въ Россіи.

Описаніе Русскихъ школъ иконописанія основываю на историческихъ данныхъ, на собственномъ наблюденіи сохранившихся памятниковъ, на сужденіяхъ знатоковъ и собирателей древнихъ иконъ. Я буду разсматривать иконописаніе въ историческомъ и художественныхъ значеніяхъ. Время и новыя данныя открываютъ, можетъ быть, многое, чего я не зналъ, не понималъ, или иначе понималъ видѣнное мною. Наше иконописаніе еще только возникаетъ съ своею исторіею, съ своими памятниками, съ своими классическими приготовленіями. Дайте пройти этому изученію двадцать, тридцать лѣтъ, и исторія иконописанія установится твердо, отразитъ всѣ сомнѣнія и предразсудки. Теперь еще время споровъ и сомнѣній; нѣтъ ни чего опре-

⁽¹⁾ См. *О значеніи отечественной иконописи. Письма къ графу А. С. Уварову И. М. Снегирева*. Спб. 1848. стр. 3.

⁽²⁾ См. соч. *Н. Иванчина-Писарева: Утро въ Новоспасскомъ монастырѣ*. М. 1841. стр. 61.

дѣлннаго, помятнаго для всѣхъ и каждаго. Придетъ пора, и историческая критика утвердитъ прочныя начала нашего взрванія въ художествѣ иконописанія. Въ двадцатилѣтнемъ моемъ наблюденіи надъ иконописаніемъ, я съ начала видѣлъ наши святыни въ храмахъ и въ старинныхъ домахъ родовыхъ бояръ и кунцовъ; потомъ началъ встрѣчать знатоковъ и любителей; а теперь знаю болѣе ста частныхъ собраній. Ученыя изслѣдованія появились только въ последнее десятилѣтіе и не касались частныхъ собраній. Путешествій по Россіи—съ цѣлю обозрѣнія иконописанія и стѣнописанія никто еще не предпринималъ да и будутъ ли они когда? Теперь мы сами учимся, а грядущее поколѣніе представитъ Европѣ опытныхъ учителей и истолкователей Византійскаго иконописанія. Теперь еще только двѣ духовныя школы иконописанія, а чрезъ десять лѣтъ ихъ будетъ двадцать. Тогда это великое художество выдетъ изъ рубъ сельскихъ маляровъ и бѣзталанныхъ иконописцовъ.

Начинаю обозрѣніе Русскихъ школъ иконописанія со школы Византійской, какъ съ родоначальницы и образовательницы нашихъ школъ, давшей намъ всѣ первообразы для нашихъ храмовъ. Безъ изученія этой школы мы не можемъ понимать значеніе Русскихъ школъ. Первые наши храмы строились и украшались Византійскими художниками. Первыми учителями трехъ нашихъ школъ Кіевской, Новгородской и Московской были Византійцы.

I. ШКОЛА ВИЗАНТІЙСКАЯ.

Автопись Византійскаго иконописанія совмѣщалась прежде въ одномъ Цареградскомъ Софійскомъ храмѣ, устроенномъ Юстиніаномъ. Тамъ были собраны иконы съ изображеніями всѣхъ Святыхъ, ублажаемыхъ Вселенскою православною Церковію. Тамъ было сдѣлано и первое описаніе Святыхъ иконъ ⁽²⁾. Отсюда Русская церковь заимствовала подлинныя иконы и перво-

(2) Въ Русскихъ источникахъ находимъ, что Софійскій храмъ вмѣщалъ въ себя 363 предѣловъ. См. Предисловіе къ Подлиннику, выпеч. въ 1-й книжкѣ Изслѣдованій о Русскомъ иконописаніи.— Путешествіе Стефана Новгородца, выпеч. въ Сказаніяхъ Русскаго народа. Т. II, кн. 8. — У митрополита Евгенія, въ Описаніи Кіево-Софійскаго собора, въ III-ей главѣ, по Греческимъ и западнымъ источникамъ, находимъ описаніе Константинопольской Софійской церкви. Въ ней съ начала былъ устроенъ одинъ предѣлъ во имя Св. Софіи, потомъ другой во имя Св. Троицы. Стефанъ Новгородецъ писалъ въ 1350 году: «Святая Софія имѣетъ дверей 363, такожъ и престоловъ, оныхъ бысть митро велми, а акии бо отъ нѣхъ заграждены за оскудѣніемъ».

образы для своихъ изображеній. Изъ Царьграда Русскіе великіе князья призывали иконописцовъ для устройства создаваемыхъ храмовъ въ Кіевѣ, Новгородѣ и Ростовѣ. Исторія Византійскаго иконописанія, со всѣми ея переходами въ Россію и Италію, еще не разработана. Вотъ почему о ней такъ мало знаютъ и Европейскіе ученые. Наши лѣтописи и путешественники упоминаютъ первыя о принесеніи иконъ въ Россію, вторыя о видѣнныхъ ими иконахъ въ Царьградскихъ храмахъ, безъ всякихъ подробностей о ходѣ иконописнаго художества. Одинъ только Новгородскій архіепископъ Антоній упоминаетъ о видѣнныхъ имъ иконахъ и о художникахъ, и то въ короткихъ словахъ. Приводимъ здѣсь извѣстныя данныя по Русскимъ источникамъ для указанія, какое вліяніе имѣло Византійское иконописаніе на основаніе Русскихъ школъ.

Одинъ изъ нашихъ паломниковъ XII вѣка, Новгородскій архіепископъ Антоній, посѣтившій Софійскій храмъ въ 1200 году, до разграбленія его крестоносцами, сообщилъ намъ свѣдѣнія о иконахъ и иконописцахъ. Тамъ онъ видѣлъ *икону съ изображеніемъ Бориса и Глѣба* ⁽³⁾, которая служила Царьградскимъ иконописцамъ образцомъ для списыванія: «во святѣй же Софії, у алтаря, на правой странѣ, поставлена икона велика Святыхъ Бориса и Глѣба, и ту икону емлютъ писцы для письма». Тамъ онъ узналъ о древнемъ иконописцѣ *Лазарѣ*: «Лазарь, писецъ иконный, той первѣе написа въ Царьградѣ, во святѣй Софії, въ алтарѣ, *Святую Богородицу*, держащу Христа, и *два Ангела*». Тамъ видѣлъ и современнаго ему иконописца Византійскаго, *Павла Хитраго*: «во святѣй Софії есть крестильница водная, написанъ на ней Христосъ, во Іорданѣ крестится отъ Іоанна, съ дѣяніемъ написанъ: и какъ Іоаннъ училъ народы, и какъ малыя дѣти металися во Іорданъ, и какъ людѣе то же. И то все *Павель Хитрый* написалъ при моемъ животѣ. И нѣсть ту такового письмени». Тамъ же видѣлъ, какъ *Царьградскій Патріархъ трудился въ иконописаніи*: «И ту есть древа, и чинить на нихъ патріархъ икону Святаго Спаса, 30 локоть возвыше. И *Павель* прежде Христа написалъ, со драгимъ каменіемъ и жемчугомъ вапы истеръ ⁽⁴⁾».

Стефанъ Новгородецъ, бывшій въ Царьградѣ около 1350 года, упоминаетъ только о иконахъ Софійскаго храма: 1. «И возрѣвъ горѣ на двери, видѣти,

⁽³⁾ Замѣчательная икона Бориса и Глѣба, по своей древности, находится въ Московскомъ Рагожскомъ кладбищѣ. Князья изображены во весь ростъ, въ Норданскихъ коронахъ о трехъ лучахъ. Для сравнительнаго изученія иконъ съ изображеніями Бориса и Глѣба иконописцы могутъ обратитъ свои наблюденія въ *Полоторжскій Борисоглѣбскій мон.*, въ *Муромскій Борисоглѣбскій*, упраздненный мон., въ *Переславскій Борисоглѣбскій* упраздненный мон., въ *Ростовскій Борисоглѣбскій мон.* и въ *Устьѣ*.

⁽⁴⁾ Путешествіе Автома еще не напечатано. Выписки, приводимыя здѣсь, взяты изъ рукописи, находящейся въ моей библіотекѣ.

ту стоит икона *Селтый Спасъ*, и о той иконѣ рѣчь въ книгахъ пишется. — 2. И увидѣхомъ на стѣнѣ Спасъ мусією утворенъ. 3. Стоит икона Святый Спасъ, вельми чуденъ, и то зовется «Елеонъ гора». О иконѣ Божіей Матери Одигитріи онъ говоритъ: «и идохомъ къ Святой Богородицѣ поклонитися выходней иконѣ; ту бо икону Евангелистъ Лука написа, понарови самую Дѣву Богородицу, еще ей сущей живу».

Іеродиаконъ Зосима, посѣтившій Царьградъ въ 1420 году, упоминаетъ такъ же объ однѣхъ иконахъ Софійскаго храма: 1. «И цѣловахомъ образъ Господа нашего Іисуса Христа, ижъ предъ нимъ грѣхи своя исповѣдаютъ и то ся зоветъ: Спасъ исповѣдникъ. — 2. И видѣхомъ образъ Пречистыя, иже отъ Іерусалима».

Въ путешествіи дѣяка Александра въ Царьградъ, бывшаго тамъ около 1390 года, находимъ: «Входя въ великія двери, по правую сторону, стоит икона Святой Богородицы, на лѣвой сторонѣ преобразился Спасъ нашъ на мраморѣ».

Діаконъ Ігнатій, посѣтившій Царьградъ въ 1390 году, упоминаетъ о двухъ иконахъ Софійскаго храма: 1 «Пойдохомъ къ церкви святѣй Софії, еже есть Премудрость Божія, и, дошедше великихъ вратъ, поклонихомся чудотворнѣй иконѣ Пречистыя Богородицы. — 2. И еще мы поклонихомся той честнѣй и святѣй иконѣ Пречистыя Богородицы, иже стоитъ внутри церкви св. Софії».

Въ повѣсти о взятіи крестonosцами Царьграда, находимъ, что въ притворѣ Софійскаго храма были написаны патріархи: «и святѣй Софії притворъ погорѣ, идѣ же патріархи вси написаны» ⁽⁵⁾.

Изъ всѣхъ образовъ, принесенныхъ къ намъ изъ Царьграда, сохранилась подпись только на одномъ, находящемся нынѣ въ Нижегородскомъ Благотѣщенскомъ монастырѣ, изъ которой видно, что онъ былъ написанъ въ 993 году *іеромонахомъ Симеономъ*.

Изъ Аѳонскаго кодекса Греческаго Подлинника, открытаго Дидрономъ, узнаемъ двухъ Византійскихъ иконописцовъ: 1. Панселина, жившаго въ XI вѣкѣ, при Андроникѣ, и украсившаго своими фресками церковь Аѳонскую въ Карѣѣ и монастырь святителя Николая въ Болгарскомъ городѣ Меленикѣ; 2. *Діонисія*, жившаго въ XIV вѣкѣ и редактировавшаго текстъ Подлинника, подъ руководствомъ *Кирилла Хіосскаго* ⁽⁶⁾.

⁽⁵⁾ См. въ *Полн. собр. Русск. лѣт.* т. III, *Полтор. первую лѣт.* стр. 27.

⁽⁶⁾ О *Панселинѣ* и *Діонисіѣ* см. изданіе Дидрона. *Manuel d'iconographie chrétienne*. Paris 1843, pag. 8: «*Panselinos* est ce peintre du XII siècle, le Raphael ou plutôt le Giotto de l'école byzantine, dont on montre des fresques dans la principale église de Kérés, au mont Athos. On dit qu'il vivait sous l'empereur Andronique 1-er. Ces fresques, assez remarquables de dessin et d'expression, ont beaucoup souffert dans la couleur, qui est enfumée». *Діонисій* называлъ себя: «*Deus* moiue de fourna d'Agarba». О *Панселинѣ* еще см. *Очеркъ путешествія по Европейской Турціи*. Соч. В. Григоровича. Казань 1848, стр. 147.

Въ Россіи Византійскіе иконописцы являютсѣ съ XI вѣка; они въ Кіевѣ украшали храмы: Десятинную церковь, Софійскій соборъ, Киевопечерскую лавру; они образовали прародителя Русскаго иконописанія, св. Алимпія; они передали Кіевской школѣ Византійскіе рисунки и Подлинникъ. Къ сожалѣнію, лѣтописи не сохранили намъ именъ ихъ. Кіевская школа иконописанія была основана Византійцами и есть старѣйшая изъ всѣхъ извѣстныхъ школъ въ Европѣ. Въ 1200 г. икона съ изображеніемъ Кіевскихъ святыхъ Бориса и Глѣба стояла въ Царьградскомъ Софійскомъ храмѣ и служила образцомъ для Византійскихъ иконописцовъ.

Въ Новгородѣ Византійскіе иконописцы являютсѣ съ XI вѣка, при украшеніи Софійскаго собора (7). Въ 1196 году въ Новгородѣ росписывалъ церковь св. Богородицы на воротахъ Грекъ Петровичъ, при архіепископѣ Мартирѣ (8). Въ 1338 году росписывалъ тамъ же церковь: *входъ во Іерусалимъ* Грекъ Исаія (9). Въ 1378 году росписывалъ тамъ же церковь: *Господа Іисуса Христа*, на Ильинѣ улицѣ, Грекъ Теофанъ. Новгородская школа, образованная Византійцами, является въ одно время съ Кіевскою, но отличается отъ ней своимъ пошибомъ.

Въ Москвѣ Византійскіе иконописцы являютсѣ въ XIV столѣтіи, но, вѣроятно, они были и прежде. Въ 1343 году росписывали Московскій Успенскій соборъ Греческіе иконописцы митрополита Теофноста, а Архангельскій Русскіе придворные. Въ 1344 году Русская дружина иконописцовъ, подъ начальствомъ Гойтана, Семена и Ивана, *Греческихъ учениковъ*, росписывала церковь Спасъ на Бору (10). И. М. Снегиревъ начинаетъ Московскую школу съ прибытія въ Москву св. Цетра митрополита и считаетъ его основателемъ ея (11). Это мнѣніе подвержено еще критикѣ. Если считать первое

(7) См. въ Полн. собр. Русск. т. III, Новгор. третью лѣт. стр. 211.

(8) См. въ Полн. собр. Русск. лѣт. с. III, Новгор. первую лѣт. стр. 23.

(9) См. въ Полн. собр. Русск. лѣт. т. III, Новгор. первую лѣт. стр. 78; Новгор. третью лѣт. стр. 231.

(10) См. Лѣтоп. по Нилон. сп. ч. III, стр. 180 и 181: «Въ лѣто 6852. Начаша подписывати двѣ церкви камени въ Москвѣ. преосвященный Теофностъ, митрополитъ Кіевскій и всяя Руси, своего митрополита двора соборную церковь пречистыя Богородицы Греческими мастерами; того же лѣта и совершиша ю всею подписью. И другую церковь у вел. кн. двора, св. Архангела Михаила, кн. великій Семенъ Ивановичъ подписывалъ Русскими иконописцами, въ нихъ же бѣ старѣйшины и начальники: Захаріе, Діонисій, Іосифъ, Николоа, и прочіи дружина ихъ; и подписаша ея того лѣта величества ради и великого писма. Въ лѣто 6853. Подписаша въ монастыри и церковь св. Спаса величїемъ и каменою вел. кн. Анастасіи Семеновы Ивановича; а мастера, старѣйшины и начальники быша Рускіи родомъ, а Греческіи ученицы Гойтанъ, и Семенъ и Иванъ, и прочіи ихъ ученицы и дружины». Древн. лѣт. ч. I, стр. 176.

(11) См. Памятн. Москв. древностей, стр. X.

извѣстіе о началѣ Москвы съ 1147 года, то, до прибытія св. Петра митрополита въ Москву, въ 1308 году, вѣрно были создаемы церкви. Если были церкви, то вѣрно для нихъ кто нибудь писалъ иконы. Между тѣмъ, участіе Византійскихъ иконописцовъ продолжалось еще въ Москвѣ въ 1395 и 1405 годахъ. Въ это время Грекъ *Θεοφάνης*, прозванный современниками *философомъ*, переехалъ изъ Новгорода въ Москву, и росписалъ три церкви: 1. Рождества Богородицы въ 1395 году съ *Симеономъ Чернымъ*; 2. Архангельскій соборъ въ 1399 году; 3. Благовѣщенскій соборъ въ 1405 году, съ старцомъ *Прохоромъ* и *Андреемъ Рублевымъ*. Можетъ быть, этому Θεοφάνу Московская школа обязана образованіемъ знаменитаго нашего иконописца Андрея Рублева⁽¹²⁾; ибо онъ по лѣтописямъ упоминается въ первой разѣ въ 1405 году.

Византійская школа и всѣ произведенія ея, вмѣстѣ съ другими Греческими художествами, были извѣстны въ Россіи издревле подъ названіями: *Византійскихъ*, *Греческихъ* и *Корсунскихъ*. Разность названій подавала поводъ нашимъ писателямъ изъ одной Византійской школы предполагать двѣ самостоятельныя: *Византійскую* и *Корсунскую*. Изъ сличенія всѣхъ сохранившихся памятниковъ Византійскаго художества, оказывается, что они носятъ на себя одинъ и тотъ же отпечатокъ и различаются только вѣками своего появленія. Такъ слѣдующія иконы въ народѣ называются Корсунскими, а между тѣмъ они никогда не выходили изъ мнимой Корсунской школы. Таковы: икона Божіей Матери, находящаяся въ Торопцѣ, была принесена изъ Ефеса; икона Спасителя, находившаяся прежде въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, а нынѣ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, писана въ Царьградѣ, при царѣ Мануилѣ, икона Петра и Павла, находящаяся въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, извѣстная въ Новгородѣ подъ именемъ Корсунской, а въ Софійской лѣтописи называется Царьградскою. Три другія иконы, извѣстныя подъ именемъ Корсунскихъ: святителя Николая, находящаяся въ Зарайскѣ, Богоматери въ Нижегородскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ и Богоматери въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, доселѣ не имѣютъ историческихъ извѣстій о первоначальномъ своемъ происхожденіи. *П. И. Ковалевъ* въ книгѣ своей: *Списокъ Русскимъ памятникамъ* (М. 1822, стр. 38, 73) едва ли не первый изъ Русскихъ писателей ввелъ въ литературу иконописанія слова: *Корсунское письмо*; но онъ понималъ ихъ въ другомъ значеніи. «живопись Корсунская или Византійская, извѣстная въ лѣтописяхъ нашихъ подъ названіемъ *Корсунскаго письма*,

(12) См. *Соб. врем.* ч. 1, стр. 403. *Русск. лѣт. по Никон. сп.* ч. IV стр. 257. *Древн. лѣт.* ч. II, стр. 257, *Истор. Карамзина* т. V, прим. 254, «Начаша подписывать парк. кам. св. Благовѣщенія на нѣзвѣстнаго дворѣ, на ту, же нѣмѣ стоитъ; а мастера блгу Θεοφάνъ иконописецъ Гречинъ, да Прохоръ старецъ съ Городца, да чарнецъ Андрей Рублевъ».

была у насъ въ употребленіи еще послѣ вторженія въ Россію (въ 1224 году) Татаръ, и, вѣроятно, до самаго взятія Царьграда Турками.... Корсунскими образами назывались не одни тѣ, которые были привезены изъ Греціи, но и копіи съ оныхъ, дѣланныя въ Россіи». *Аделунгъ*, въ *Описаніи Корсунскихъ вратъ*, (М. 1834, въ Русск. переводѣ, стр. 107—109) находящихся въ Новгородѣ, кажется, полнѣе всѣхъ писателей объяснилъ значеніе въ Россіи Корсунскихъ художественныхъ произведеній. Онъ говоритъ, что въ Россіи большая часть древнихъ памятниковъ, какъ Русскихъ такъ и Греческихъ назывались Корсунскими; что Херсонъ вовсе неизвѣстенъ ни своею роскошью, ни своею художественною школою; что всѣ Греческія дорогія и красивыя произведенія издревле привыкли въ Россіи называть Корсунскими; что это названіе означаетъ не иное что, какъ *превосходную, рѣдкую и искусно сдѣланную вещь*. *И. М. Снегиревъ* въ своемъ сочиненіи: *Памятники Московской древности* (М. 1842, стр. X) говоритъ: «Господствовавшій стиль иконописи *Корсунскій*, заимствованный отъ Грековъ средняго вѣка и распространенный по Европѣ Византійскими художниками, значилъ въ Россіи почти то же, что *рѣдкій, чудный, отличный*. Онъ отличается тонкостію и рѣзкостію въ чертахъ, отсутствіемъ перспективы и свѣтлотѣни, мрачностію въ колоритѣ, лица темны и тощи, фигуры очень, очень длинны; вообще также замѣтны въ немъ символизмъ и возвышеніе надъ плотностію, которые доселѣ сохраняютъ надъ душами глубокую, неисповѣдимую силу». Въ другомъ своемъ сочиненіи: *О значеніи отечественной иконописи* (Спб. 1548, стр. 15) говоритъ уже совсѣмъ иное: «Отъ Византійскаго стиля возникло *Корсунское письмо*. Мастерская его была въ *Крымскомъ*, а можетъ стать и въ *Кіевскомъ Корсунѣ*, гдѣ поселились Греки. Оно не составляло особенной школы, такъ какъ Кіевское и Новгородское, но различалось отъ Византійскаго приемами, плавкостію лицъ и раскрышкою. Корсунскими назывались не только произведенія иконописи, но даже ваянія и литейнаго искусства, вывезенныя изъ Корсуна и отечественныя въ этомъ родѣ; потому что Корсунское означало: *иностранное, отличное, рѣдкое*». Это небывалое Корсунское письмо, съ своими мастерскими въ Крымскомъ, или Кіевскомъ Корсунѣ, не имѣетъ ни какихъ неторическихъ доказательствъ. Это мнѣ въ исторіи художествъ. Какъ согласить слова: что Корсунское означало иностранное, рѣдкое, отличное, заимствованная у Аделунга, съ дополненіями его, что мастерская Корсунскаго письма находилась въ Крымскомъ, или Кіевскомъ Корсунѣ? Или, какъ понимать, что стиль иконописи Корсунской, заимствованный отъ Грековъ средняго вѣка и распространенный по Европѣ Византійскими художниками, значилъ то же, что *рѣдкій, чудный, отличный*?

Выслушаемъ мнѣніе покойнаго *К. Θ. Калайдовича*: «Г. Фридрихъ Аделунгъ въ *Описаніи Корсунскихъ вратъ Новгородскихъ* (Вѣст. Евр. № 5.

1823) полагаетъ, что въ понятіи древнихъ нашихъ художниковъ слово нарицательное *Корсунскій* означало нѣчто *редкое, изящное* въ отношеніи къ искусству, потому вѣроятно, что Владиміръ, крестившись въ *Корсуни*, вывезъ изъ сего города нѣкоторые отличныя утвари, а посему совсѣмъ не слѣдуетъ при частныхъ извѣстіяхъ объ иконахъ Корсунскихъ, полагать, будто бы онѣ всѣ перешли къ намъ изъ Корсуни. Весьма вѣроятно, такія иконы, разумѣя и извѣстнѣйшій образъ письма, могли написать и Греки и Русскіе. Такъ въ наше время въ большой славѣ отличныя по письму иконы *Строгоновскія*, можетъ быть, получившія названіе отъ имени родоначальника оей фамиліи, который любилъ украшать благолѣпнымъ иконописаніемъ сооруженныя его иждивеніемъ храмы. Еще и теперь иностранныя издѣлія разумѣются у нашего народа подъ общимъ названіемъ *Нѣмецкихъ*, какъ нѣкогда *Фряжскихъ*» (13).

Мы съ своей стороны принимаемъ за основаніе одну Византійскую школу, какъ имѣющую свою самостоятельность, свою исторію, свой особенный пошибъ, свои отличія. Выраженія: икона Греческаго письма, икона Корсунскаго письма вездѣ принимаются нами за произведенія Византійскихъ художниковъ.

Школа Византійскаго иконописанія извѣстна въ Россіи: въ *Иконахъ*, *Фрескахъ*, *Мозаикахъ*, *Ценихъ* и *Рисункахъ*. Въ такомъ объемѣ Византійскихъ произведеній будемъ разсматривать эту школу и на нихъ однихъ будемъ основывать свои выводы.

I. ВИЗАНТІЙСКІЯ ИКОНЫ.

Святость Византійскаго иконописанія ознаменована великими воспоминаніями какихъ не имѣетъ ни одно изъ человѣческихъ искусствъ. Богочеловѣкъ, Иисусъ Христосъ напечатлѣваетъ свой ликъ на убрусѣ и Вселенская Церковь вноситъ его въ средоточіе православія, въ Царьградъ. *Евангелистъ Лука* изображаетъ Богоматерь съ предвѣчнымъ Младенцемъ, и Русская Церковь, наследница Византійской святыни, ублажаетъ чудотворную икону въ древлепрестольной столицѣ, Москвѣ. Въ иконахъ Іерусалимскихъ, Антіохійскихъ и Цареградскихъ соединена исторія всего Христіанскаго міра. Во дни мрака и невѣжества Европы, Византія озаряла Западъ и Сѣверъ своимъ иконописаніемъ.

(13) См. соч. К. О. Калайдовича: *Письма къ А. О. Малинскому объ археологическіе изслѣдованія въ Рязанской губерніи*. М. 1823, стр. 73.

Она поучала Вѣру святой и чистой, награждала ихъ изображеніями ветхозавѣтнаго величія и Евангельской простоты; она вдохновляла ихъ иконами Вѣры, а не лицами пошлой природы человека, она возводила ихъ къ созерцанію величіемъ святаго подвижничества, а не своевольными мечтами художника. Царьградъ награждалъ новокрещенныхъ изображеніями страсто-терпцевъ Христовой Вѣры и никогда не ставилъ въ ихъ храмахъ, какъ Западъ, изящество въ естественной наготѣ. Византійскій иконописецъ жилъ и дѣйствовалъ для Церкви, и никогда не думалъ о площадныхъ натурщикахъ. Всеобщее уваженіе къ Византійскимъ иконамъ было основано на самомъ прочномъ началѣ: на благоговѣніи молящагося народа предъ иконою и ничѣмъ въ ней неотвлекаемого отъ церкви и служенія. Этого святаго созерцанія къ иконамъ не найдешь на Западѣ.

Значеніе Византійскаго иконописанія чрезвычайно обширно и обнимаетъ собою все Христіанское ученіе. Съ первыхъ дней Апостольской проповѣди оно было проводникомъ основныхъ началъ Вѣры и благочестія. Такъ оно олицетворяло догматы для укрѣпленія Вѣры, изображала заветныя преданія православной Церкви для отклоненія расколовъ и ересей, живописало священные символы для наученія вѣрующихъ, вносило знаменія и дѣянія для воспоминанія о великихъ и чудесныхъ событіяхъ Церкви. Пошибъ его основанъ на историческихъ началахъ и ознаменованъ достоверностію лицъ. Оно приняло отъ Церкви первообразы для изображенія Спасителя, Божіей Матери, Апостоловъ и Святыхъ мужей и женъ и передавало ихъ принявшихъ православіе вмѣстѣ съ Крестомъ и Евангеліемъ. Единство Византійскаго иконописанія во всей православной вселенской Церкви составляетъ главное значеніе и отличіе отъ Западной живописи.

Пошибъ Византійскаго иконописанія заключается въ слѣдующихъ признакахъ:

1. Византійскій пошибъ есть чисто *іерархическій*, состоитъ изъ непреложныхъ догматовъ и узаконенныхъ символовъ, независимъ ни отъ какихъ земныхъ отношеній и подчиненъ единственно вѣдѣніямъ одной Церкви.
2. Предметы для изображенія взяты изъ исторіи православной Вселенской церкви.
3. Единство священныхъ изображеній во всей православной Вселенской церкви есть неизмѣнное правило, сохраненное въ продолженіи XVIII вѣковъ.
4. Всеобщее отчужденіе прихотливыхъ требованій измѣчивой человѣческой природы въ его основано на законныхъ правилахъ и условіяхъ.
5. Духъ благочестія и уваженіе къ святыни строго соблюдается въ исполненіи всего рисунка.
6. Изнуреніе и подвижничество осѣняетъ Святыхъ, а не предметы мірской жизни.